

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Леонова

Саратовский государственный университет
E-mail: leonowajelena@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием когнитивного механизма интериоризации при становлении идентичности индивида, а также способы вербализации данного механизма в личных дневниках А. Шницлера.

Ключевые слова: идентичность, интериоризация, дневник, А. Шницлер, косвенная речь.

Cognitive Mechanism of Internalization in the Diary Discourse

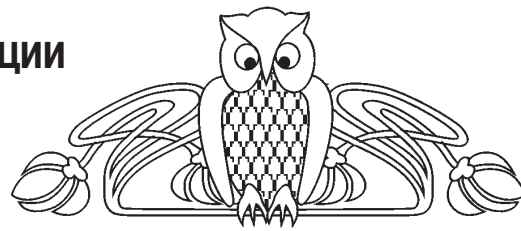
E. V. Leonova

The article considers questions related to the way cognitive mechanism of internalization functions when an individual is developing an identity, as well as means of this mechanism being verbalized in A. Schnitzler's personal diaries.

Key words: identity, internalization, diary, A. Schnitzler, indirect speech.

Экспансия лингвистической науки в другие гуманитарные дисциплины стала причиной появления в её терминологическом аппарате многих новых понятий. Данное утверждение касается, в частности, и объекта исследования данной статьи, а именно идентичности языковой личности. Появившийся изначально в социологии и активно развиваемый в русле социальной психологии термин «идентичность» получил большое распространение в лингвистических работах последнего десятилетия. Понятие идентичности исследуется лингвистами в самых различных направлениях и воспринимается как основа для любого вида деятельности (в том числе и речевой)¹.

Следует отметить некоторые отличия в толковании данного термина в смежных науках. Так, в психологии идентичность интерпретируется как относительно продолжительное, но не обязательно стабильное восприятие себя как уникального, когерентного, единого во времени². Социология определяет идентичность как качество личности, являющееся результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми³. Таким образом, в психологических работах основной упор делается на субъективное ощущение индивидом уникальности и самоотождественности, в то время как в социологических исследованиях признаётся определяющее влияние социального окружения и межличностного взаимодействия индивида с социумом. В лингвистике при изучении феномена идентичности интегрируются основные выводы и концепции

указанных выше наук. Таким образом, признаётся социальный характер человека, а идентичность понимается как результат осмысления человеком себя самого в процессе социализации личности⁴.

Точка зрения, согласно которой формирование идентичности происходит в процессе социального взаимодействия с другими людьми и во многом определяется им, была подробно разработана в рамках символического интеракционизма Дж. Мидом и Ч. Х. Кули. Теория «Зеркального» или «Отражённого Я», предложенная Ч. Х. Кули в 1912 г., получила ряд экспериментальных подтверждений в более поздних психологических исследованиях. Основной идеей указанной теории является утверждение о том, что человек осознаёт, прежде всего, такие свои свойства, на которые кто-то или что-то обращает его внимание, при этом главным ориентиром для идентичности индивида является его представление о том, что о нём думают другие, какие характеристики и ценности они ему приписывают⁵. Данный когнитивный механизм получил в психологии название «интериоризация».

Вопросы о том, как именно протекает процесс интериоризации, чьи именно мнения оказывают наибольшее воздействие на формирование идентичности индивида, до сих пор являются предметом обсуждения и споров психологов.

Относительно последнего вопроса было установлено наличие так называемых значимых других (термин Г. С. Салливана), под влиянием оценки которых самооценка индивида повышается либо снижается. Под термином «значимый другой» понимается «любой человек, влияющий на формирование у индивида социальных норм, ценностей и личного образа Я»⁶. В отечественной психологии была предпринята обширная серия исследований значимости для человека Другого, в результате которых было установлено, что круг значимых других количественно ограничен (до 18 человек на протяжении всей жизни индивида).

Значительным шагом в развитии теории межличностной значимости можно считать введение Г. Хайманом в 1942 г. понятия «референтная группа» (группа, которую индивид использует как точку соотнесения, эталон при оценке себя и других). Представители референтных групп – это «группы сравнения», которые помогают человеку оценивать себя, оказывают существенное влияние на поведение. Человек ведёт себя, во многом

ориентируясь на этические нормы таких групп, именно в них формируется его совесть⁷.

Представленные выше основные аспекты, оказывающие воздействие на формирование идентичности в процессе когнитивного механизма интериоризации, послужили основой предлагаемого анализа. В качестве материала настоящего исследования выступают дневниковые записи известного австрийского писателя Артура Шницлера 1879–1885 гг.⁸ Данный тип текста представляется нам единственной вербализованной, зафиксированной на бумаге формой потока сознания, отражающей идентичность. Так, по метафорическому определению К. С. Пигрова, дневник есть изготовленное самим индивидом «зеркало души», точка рефлексии в пространстве социокультурной коммуникации. По высказыванию автора, именно «здесь случается самосознание»⁹.

Поясняя материал данного исследования, добавим следующее. Являясь восторженным поклонником идей фрейдизма, А. Шницлер в своих произведениях особое внимание сосредоточивал на фиксации душевного состояния персонажей, на их самонаблюдении, на подробном анализе их переживаний. Дневник же для него являлся не просто способом фиксации пережитых событий, а инструментом самопознания, с помощью которого он пытался уяснить свою внутреннюю сущность¹⁰.

Следует уточнить, что в данной работе будет анализироваться не весь дневник А. Шницлера общим объёмом 10 томов, который автор вёл на протяжении всей своей жизни, а лишь та его часть, которая посвящена юношеским годам (с 17 до 23 лет). Это обусловлено тем фактом, что именно в юном возрасте происходит активное формирование идентичности, причём во многом оно протекает под воздействием мнения других¹¹.

Для получения экстралингвистической информации, связанной с отношением А. Шницлера к некоторым из окружающих его людей, к анализу привлекались также данные, полученные из его автобиографии.

В своих дальнейших рассуждениях мы исходим из того, что любое зафиксированное в дневнике мнение другого человека имеет определённую значимость для diarиста. Автор без сомнения фиксирует в своём дневнике далеко не все случаи оценки его другими. По данному поводу И. М. Вознесенская высказывает мысль о том, что сам факт названия, упоминания реалий внешней жизни «косвенно, имплицитивно вводит в дискурс элементы знаний, представлений, актуальных для представляемого события с позиции автора»¹². Таким образом, уже само упоминание в дневнике некоторого мнения другого человека о diarисте имеет для последнего определённое значение, по крайней мере, данное мнение не оставляет его равнодушным.

Нужно отметить, что круг общения А. Шницлера в указанные годы являлся крайне

широким и разнообразным. Об этом свидетельствуют как упоминания о многочисленных знакомых в дневнике (так, в приложении к данной части дневника представлено более 600 имён, о которых шла речь в дневнике), так и текст автобиографии¹³:

*So bildeten sich um mich Menschenkreise der verschiedensten Art, flossen ineinander, zerflossen wieder; Freunde aus der Gymnasialzeit, neue Kollegen, Zufallsbekannte, Wahlgenossen schlossen sich mir für kürzere oder längere Frist an*¹⁴.

Анализ дневника и автобиографии А. Шницлера позволил выявить, что среди огромного количества окружающих людей наибольшую значимость для него в указанный период времени имели два человека, а именно его отец и хорошая знакомая Франциска Мюттер, которую автор в дневнике называет Fany M.

Отношения А. Шницлера с отцом нельзя назвать однозначными. С одной стороны, они отмечены глубоким уважением как к самому отцу, так и к его профессии. Являясь для diarиста эталоном во всём, отец также повлиял на его выбор дальнейшей сферы деятельности – А. Шницлер пожелал стать врачом, как и его отец. Впоследствии, однако, автору пришлось обнаружить, что данная деятельность совершенно не соответствует его внутренним потребностям и его гораздо больше привлекает творчество. Именно это послужило причиной большого количества конфликтов с отцом, весьма болезненно воспринимаемых будущим писателем. А. Шницлер испытывает глубокое сожаление по поводу отсутствия взаимопонимания с отцом, продолжая при этом высоко оценивать его:

– Schade daß mein Vater trotz seiner großen Güte, Liebe und Intelligenz von meinem Wesen keine rechte Ahnung hat (Tagebuch, s. 352).

Огромное воздействие мнения отца на личность diarиста прослеживается во всём дневнике данного периода, при этом наибольшее влияние оказывается на такую составляющую идентичности А. Шницлера, как самооценка. Так, негативное мнение отца о личности автора дневника способствует снижению его общей самооценки. Любое, даже небольшое положительное замечание отца ведёт к её однозначному повышению:

– Mein literarisches Thun ist ihm (dem Vater) Dilettantismus, der zu nichts führt. – Möglich – Ja, möglich, dass ich nimmer was werde (Tagebuch, s. 261).

– Mein Papa ist sehr erfreut über den Erfolg. Vielleicht bin ich noch nicht ganz verloren? (Tagebuch, s. 331).

Принадлежность отца к «значимым другим» не предполагает согласие diarиста с любой высказанной им оценочной характеристикой. В некоторых случаях А. Шницлер эксплицитно показывает своё отношение к точке зрения отца с помощью комментариев, подтверждающих либо опровергающих определённое мнение о себе:

– *Mein Vater wirft mir meinen mangelhaften wissenschaftl. Ernst vor. Er hat im Grunde recht* (Tagebuch, s. 196).

– *Mein Papa ärgert sich auch über mich, eigentlich ganz ohne Grund, da ich eigentlich fleißiger bin (medizinisch) als je* (Tagebuch, s. 217).

В первом случае автор соглашается с мнением своего отца, давая тем самым понять, что он и сам осознаёт недостаточную серьёзность в занятии научной деятельностью. Второй пример, напротив, указывает на несогласие с мнением отца об отсутствии прилежания в области медицины.

В тексте это фиксируется через использование в указанных примерах лексем, имеющих модальное значение. В первом случае устойчивое словосочетание *im Grunde* (в сущности, по сути дела) подчёркивает принятие автором указанной характеристики, во втором – сочетание лексемы *eigentlich* (собственно говоря, в сущности) с интенсификатором *ganz* (совсем, совершенно) способствует выделению авторской позиции диариста и повышению экспрессивности и эмоциональности всего высказывания. Автор также пытается объяснить причину своего несогласия с мнением отца – со своей точки зрения, он расценивает себя как прилежного учащегося. Этот факт указывает на несовпадение в представлениях А. Шницлера и его отца об идеальном студенте-медике.

Другой значимой личностью, способствующей во многом формированию идентичности А. Шницлера, явилась, как уже было сказано, Франциска Мюттер. Отношения с этой девушкой после небольшого периода взаимной влюблённости перешли в стадию сердечной дружбы. Автор дневника всегда с особой теплотой отзывается о своей подруге, полагая, что она понимает его лучше других и даже лучше его самого:

– *«Sie sind meine einzige Freundin» sagt' ich ihr neulich, als ich oben war – wenn ich irr werde an mir (was so häufig vorkommt), komm' ich zu Ihnen – es ist manchmal, als käm ich her, um mich bei Ihnen nach meinem Befinden zu erkundigen* (Tagebuch, s. 132).

Оценочные высказывания Франциски М. об А. Шницлере, зафиксированные в дневнике, почти всегда имеют положительную окраску и почти никогда не оспариваются самим автором. Можно, видимо, высказать предположение, что девушка была весьма тонким психологом и говорила именно то, что автору было приятно услышать: характеристики личности диариста, данные девушкой, обычно признаются последним как истинные и включаются в структуру его идентичности. Ср.:

– *Dann sprach sie auch über meinen Verkehr; ich sei sehr leichtlebig, keiner von den Leuten verstehe mich und ich gebe mir auch gar nicht die geringste Mühe mich verstehn zu lassen; sie taxirte überhaupt meinen geistigen Wert wieder sehr hoch* (Tagebuch, s. 102).

Следует отметить, что указанные в последнем примере качества личности (легкомыслие и нежелание быть понятым другими людьми) нельзя

считать положительными с общепринятой точки зрения. Однако анализ последующих дневниковых записей показал, что автор интерпретирует данные качества по-своему, приписывая им определённую положительную коннотацию.

Так, А. Шницлер не отрицает, что легкомыслие является одной из важнейших характеристик в структуре его личности:

– *...mag sein – dass eben der Leichtsinn, die Unbeständigkeit, die – Lebesucht, <...> die Gabe alles künstlerische um mich herum tief und mit Genuss aufzunehmen, in höherm Maße bei mir entwickelt sind – als das Talent...* (Tagebuch, s. 196).

Однако легкомыслие (беззаботность) воспринимается автором скорее как положительное качество, оно видится ему близкородственным таким чертам характера, как *Lebensfreude*, *Lebenslust* (жизнерадостность), *Lebesucht* (жажда жизни), *die Gabe alles künstlerische ... tief und mit Genuss aufzunehmen* (дар глубокого наслаждения творчеством).

Идея о непонимании окружающих также является одним из лейтмотивов всего дневника данного периода:

– *Woher sollen sie denn nur wissen, dass in mir vielleicht was vorgeht, wovon sie nie und nimmer eine Ahnung haben können* (Tagebuch, s. 179).

– *Dann meine Cousine, meine Schwester, viele andere, die mich nicht begreifen* (Tagebuch, s. 284).

Объяснить положительное отношение к данной черте своего характера можно тем, что автор бравирует своей необычностью, отличностью от других, считая, что творческий, талантливый человек должен выделяться из серой массы, возвышаясь над нею:

– *Ich muss gestehen: meine Eitelkeit sträubt sich manchmal recht intensiv dagegen, wenn ich sehe, wie so 'ne Menge von Leuten <...> gar nicht daran denkt, dass ich vielleicht doch einer andern Klasse angehören könnte* (Tagebuch, s. 178).

В представленном примере обращает на себя внимание пренебрежительный тон, с которым автор описывает совокупность людей, составляющих его постоянное окружение. Тщеславие (*Eitelkeit*) А. Шницлера, в котором он не стесняется признаваться на страницах своего дневника, заставляет его свысока смотреть на окружающую массу людей (*'ne Menge von Leuten*) и позволяет причислить себя к другому классу (*einer andern Klasse angehören könnte*), а именно классу людей одарённых, творческих, тонко чувствующих.

В дневнике имеются многочисленные упоминания мнения и других людей о личности автора, не обладающих такой же значимостью для формирования его идентичности, как отец и Франциска Мюттер; само их наличие, однако, указывает на немаловажность этих точек зрения для автора. Ср.: «Лица, мнением которых мы вовсе не дорожим, являются в то же время индивидами, вниманием которых мы не брезгуем»¹⁵. Точка зрения данных людей передаётся в тексте дневника чаще всего при помощи косвенной речи. Ср.:

– *Irgend ein ungenannt sein wollender Schuft beschäftigt sich damit, meinem Vater zeitweise mitzuteilen, ich hätte allgemein den Ruf eines liederlichen Studenten; rauche, tränke (!!!!!) viel <...> verbringe viel Zeit im Wirthshaus (!!!) und Kaffeehaus* (Tagebuch, s. 113).

В данном примере налицо отрицательное отношение А. Шницлера к мнению о нём другого человека, что находит своё выражение в первую очередь в грамматическом оформлении глаголов с помощью конъюнктива. Как известно, конъюнктив в немецком языке позволяет при оформлении косвенной речи передать дополнительные оттенки смысла, связанные с отношением автора к содержанию высказывания. Так, использование претериальных форм конъюнктива (*Konjunktiv II* или *Restriktiv*) при оформлении косвенной речи считается выражением дистанцирования от передаваемого речевого сообщения и некоторого сомнения в его правдивости¹⁶. Таким образом, выбор диаристом претериальных форм конъюнктива при передаче мнения других о себе (*tränke, hätte*) свидетельствует о его несогласии с данным мнением.

В указанном примере неприятие оценки другого человека выражается также при помощи использования знаков препинания, а именно восклицательных знаков. В данном случае многократное использование восклицательного знака следует рассматривать не только как усиление эмоционально-экспрессивной окраски предшествующего высказывания. Вслед за Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой мы предлагаем считать подобные вкрапления множественных восклицательных знаков (до пяти подряд) латентными высказываниями, несущими в себе самостоятельную информацию¹⁷. В описываемых случаях несогласия автора дневника с мнением о нём окружающих подобные предложения в виде нескольких восклицательных знаков выражают целую палитру негативных эмоций: недовольство, негодование, возмущение и т. д.

Добавим, что использование форм презенса конъюнктива, который в немецкой языковой культуре свидетельствует об отсутствии выраженного оценочного отношения говорящего/пишущего к чужим словам в диктуме косвенной речи¹⁸, маркирует принятие автором дневника указанного качества:

– *Da kam Heinrich <...> und begann von einem Club der Idealisten zu erzählen, dem er und Siegmund beitreten; nach seinen Worten ich sollt' es auch, da ich keiner Begeisterung mehr fähig sei* (Tagebuch, s. 88).

В большой степени в дневнике представлен другой способ передачи чужого мнения, а именно дословное цитирование высказывания, оформленное как прямая речь.

– *Später Pollandt: «Ich gratuliere Ihnen; ich habe immer gesagt, Sie haben Talent...»* (Tagebuch, s. 376).

– *Bahr über mich: «Da ist einmal A. S. ein geistr., zielr., sehr amüs. Causeur, ein bisschen leichtsinnig*

in der Form, und nicht allzu gewissenhaft, vielerlei versuchend. Ich habe das Gefühl, daß er tiefer ist, als er sich gerne gibt und hinter seiner flatten Grazie schwere Leidenschaft verbirgt, die nur noch schüchtern und schamhaft ist, weil sie erst zu festen Gestalten reifen will» (Tagebuch, s. 365).

Очевидно, что подобные высказывания в виде прямой речи при отсутствии комментариев указывают на совпадение мнения окружающих и собственного мнения диариста. Показательно, что в большинстве случаев дословное цитирование имеет место при положительных оценках окружающих, что неудивительно, поскольку человеку характерно более благосклонно принимать позитивное мнение окружающих, чем негативное. Так, по словам известного американского социального психолога Д. Майерса, «мы верим любому тесту или любому иному источнику информации, которые льстят нам, и позитивно оцениваем как сам тест, так и любое свидетельство в пользу его валидности»¹⁹.

Своё отношение к мнению другого автор дневника может эксплицитно выразить при помощи комментария к цитируемым словам:

– *Loris nach dem 1. Akt zu Salten: das ist ja ein Künstler allerersten Ranges. – Im allgemeinen, schien mir, waren die Erwartungen übertroffen* (Tagebuch, s. 338).

Комментарий в данном случае свидетельствует о том, что молодой человек в целом считает себя хорошим деятелем искусства, однако не согласен со столь высокой оценкой Лориса:

*Die Erwartungen waren im allgemeinen übertroffen → Die Erwartungen waren im allgemeinen richtig, nur einigermaßen übertroffen*²⁰.

Проделанный анализ показывает, что когнитивный механизм интериоризации, то есть принятие мнения других при становлении идентичности, оказал несомненное влияние на процесс самоидентификации А. Шницлера. Данный механизм способствовал включению в структуру идентичности молодого А. Шницлера таких составляющих, как осознание своего литературного таланта и стремление к успеху на поприще медицины, серьёзность и легкомыслие, глубина души и показная светскость. На поверхностном уровне процесс интериоризации фиксируется в виде комментариев к чужим словам, а также с помощью особого оформления косвенной речи. Своё место в этом ряду занимает пунктуация, в частности множественные восклицательные знаки.

Примечания

¹ См.: Гришаева Л. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж, 2007. С. 144.

² См.: Психоаналитические термины и понятия : словарь. М., 2000. С. 124.

- ³ См.: Социология : учеб.-метод. комплекс для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения. Благовещенск, 2009. С. 57.
- ⁴ См.: *Гришаева Л.* Указ. соч. С. 145.
- ⁵ См.: *Кон И.* Психология самосознания // Психология самосознания : хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2007. С. 47.
- ⁶ *Жмуров В.* Большой толковый словарь терминов психиатрии. Элиста, 2010. С. 268.
- ⁷ См.: *Щедрина Е.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. М., 1979. С. 117.
- ⁸ См.: *Schnitzler A.* Tagebuch 1879–1892. Wien, 1987.
- ⁹ *Пигров К.* Дневник : общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации / гл. ред. Л. Морева. СПб., 1998 (Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 6). С. 205.
- ¹⁰ См.: *Проклов И.* Художественная проза Артура Шницлера рубежа XIX–XX-го веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 3.
- ¹¹ См.: *Эриксон Э.* Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. М., 2006.
- ¹² *Вознесенская И.* Дневник : особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 13.
- ¹³ Орфография и пунктуация здесь и далее даются по тексту оригинала.
- ¹⁴ *Schnitzler A.* Jugend in Wien. Eine Autobiographie. München, 1985. S. 102.
- ¹⁵ *Джемс У.* Личность // Психология самосознания. С. 15.
- ¹⁶ См.: *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1993. S. 240.
- ¹⁷ См.: *Валгина Н., Светлышева В.* Орфография и пунктуация : справочник. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook142/01/part-020.htm> (дата обращения: 12.09.2013).
- ¹⁸ См.: *Ступина Т.* Практическая грамматика современного немецкого языка : учеб. пособие. М., 2010. С. 327.
- ¹⁹ *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2007. С. 182.
- ²⁰ Стрелка означает трансформацию предложения.